

Ольга Васильева:

«Роль учителя со временем будет возрастать»

В процессе воспитания ключевую роль играет мировоззренческая позиция педагога. В этом убеждена Ольга Юрьевна Васильева, 30 июня 2021 года возглавившая Российскую академию образования (РАО).

Этот разговор состоялся за несколько недель до выборов президента РАО. Нам бы очень не хотелось искать в нем намеки на грядущие перемены в Академии или контуры будущей образовательной политики. Впрочем, Ольга Юрьевна — человек цельный и последовательный, так что экстраполировать ее позицию на ближайшие и отдаленные перспективы все желающие давно могли и без нашей публикации. В интервью журналу «Экономические стратегии» Ольга Юрьевна Васильева рассказала о важности сохранения преемственности поколений, о факторах, которые формируют личность, и о том, почему не стоит увлекаться преподаванием естественно-научных предметов в ущерб гуманитарной сфере.

Беседовала специальный корреспондент журнала «ЭС»
Елизавета Макарова

Ольга Юрьевна, когда Вы были министром просвещения, из Ваших уст, пожалуй, чаще других звучал тезис о том, что образование — это совокупность обучения и воспитания.

Ну что Вы, это отнюдь не моя фраза. Это данность, об этом говорят и говорили великие педагоги всех времен и народов.

Иными словами, школа играет весомую роль в формировании личности? А что еще влияет на этот процесс?

Мировая педагогика утверждает, что все основные моральные ориентиры и ценностные основы, то есть понимание того, что хорошо, а что плохо, закладываются в возрасте до семи лет — значит, прежде всего в семье. А семье всегда помогала и будет помогать система образования: детские сады, школы, колледжи, вузы. Иначе говоря, основы закладываются в детстве, но формирование личности продолжается от момента рождения до ухода из земной жизни. И влияет на него абсолютно все.

Фото: ТАСС / Александр Щербак. Церемония награждения победителей III Всероссийского конкурса «История в школе: традиции и новации», 18 июля 2018 г.

В публичных лекциях Вы нередко упоминаете поколение, которое отправилось на фронт прямо со школьной скамьи. При этом Вы не раз подчеркивали: важно глубоко изучить, как формировалось это поколение, откуда черпало силы, на какие ориентировались идеалы, как создавался запас прочности, позволивший победить в войне и затем восстанавливать страну. Можно ли будет использовать результаты подобных исследований в воспитательной работе?

Замечательный писатель Юрий Трифонов говорил, что войну выиграли десятиклассники, выпускники 1937–1941 годов. Если вы посмотрите цифры по безвозвратным потерям за годы Великой Отечественной войны, то увидите, что самый большой процент от общего числа погибших — более шести миллионов человек — это те, кому было от 18 до 23 лет. Дети! В разговорах со студентами я всегда напоминаю, что речь идет о мальчиках, которые были моложе, чем они. И когда нынешние студенты это осознают, их глаза становятся совсем другими.

Настрой десятиклассников военного времени я изучала по письмам, которые они присылали с фронта. С этими документами можно ознакомиться в ЦАМО (Центральный архив Минобороны в Подольске. — *Прим. ред.*). Некоторые судьбы можно проследить: кто-то из авторов писем дожил до конца войны, кто-то погиб в 1943–1944 годах. Тон их посланий зависел от периода войны и положения дел на фронте: например, с 1944 года, когда началось освобождение Европы, тональность

➤ **Главное, чтобы в процессе воспитания учитель, человек, который пытается что-то вложить в ребенка, в подростка, сам верил в то, что он говорит и делает.**

явно меняется, потому что авторы понимают, что победа близка. Молодые люди пишут родителям, пишут одноклассникам, в том числе о любви, которой большинство из них так и не встретило, поскольку они были слишком молоды.

Что меня поразило: очень много писем адресовано школьным учителям. Вряд ли кто-то из этих мальчиков думал, что станет героем, но пишут они о тех нравственных ценностях, которые заложили в них педагоги. И не просто пишут, они за это благодарят! В их письмах отражено все лучшее, что могла вложить в формирование человека советская школа: это и отношение друг к другу, тот самый локоть товарища и отношение к Отечеству, понимание того, за что они воюют и проливают кровь.

Действительно, это особое поколение. Современные ребята замечательные, но другие и, наверное, воспринимают различные ситуации иначе, чем мы. Но я глубоко убеждена: если с ними говорить об истории честно, показывать яркие человеческие примеры, думаю, вряд ли до кого-то это не дойдет.

Мне кажется, главное, чтобы в процессе воспитания учитель, человек, который пытается что-то вложить в ребенка, в подростка, сам верил в то, что он говорит и делает. Здесь не может быть двойных стандартов. Их вообще нигде не должно быть, но в отношениях с детьми, особенно в самых тонких воспитательных вопросах, они недопустимы. С детьми подход «говорю одно, делаю другое» невозможен: так не бывает, их нельзя обмануть.

В этом году мы отметили 80-летие начала Великой Отечественной войны; до столетней годовщины — пара десятилетий, до столетия Победы — два с половиной. На Ваш взгляд, будет ли отличаться празднование столетия Дня Победы от нынешнего? Не утратит ли актуальность «Бессмертный полк»?

Я не думаю, что эта традиция сойдет на нет, по одной простой причине: это принято всем обществом, это идет изнутри, по сути, это человеческая потребность. Знаете, в каждом из нас «прошит» исторический код — ген, отвечающий за преемственность поколений.

В России нет ни одной семьи, которую бы не затронула Великая Отечественная война. Конечно, отдаляясь от победного 1945 года, будущие поко-

ления становятся менее сопричастны, чем поколения взрослых, которые живут сейчас. Уходят из жизни последние свидетели этой страшнейшей войны, для сегодняшних детей это уже далекая история. Я считаю, что мы обязательно должны сохранить эту сопричастность. Человек не может быть Иваном, не помнящим родства. Как говорится, тот, кто не думает о прошлом, не любит и не чувствует его, лишен сердца, а тот, кто не думает о будущем, лишен головы.

К тому же чувство сопричастности к Отечеству есть в каждом из нас. Я не имею в виду глобальное Отечество; я говорю о доме, улице, дворе, в котором человек вырос. Сейчас, к сожалению, уходит и понятие двора: дети загружены, а родители боятся выпускать их одних на улицу. Но, поверьте мне, в маленьких городах и поселках нашей необъятной Родины все это продолжается. Дети там имеют то самое замечательное детство, которое когда-то было у нас, и общаются с друзьями и сверстниками вне школы.

Так что «Бессмертный полк», конечно, останется. Возможно, видоизменится — ковидный год нам показал, что его можно проводить и в какой-то другой форме. Так или иначе, будущие поколе-

➤➤ С детьми подход «говорю одно, делаю другое» невозможен: так не бывает, их нельзя обмануть.

ния обязательно будут вспоминать о победителях и о тех, кто ушел.

Институт экономических стратегий (ИНЭС) уже много лет издает серию книг «История, рассказанная народом», где собраны рассказы ветеранов Великой Отечественной войны и труженников тыла. Это очень откровенные, порой нестройные и явно не напоказ изложенные истории обычных людей, чья мирная жизнь надолго прервалась 22 июня 1941 года. Как Вы считаете, нужно ли рассказывать подрастающему поколению всю правду о войне?

Подобные подборки воспоминаний фронтовиков издавались в Советском Союзе в 1960–1970-х годах — например, под названием «Говорят погибшие герои». Хотя такие письма проходили цензуру, они все равно передают дух времени. Сейчас появилось много разных форматов: на сайте Минобороны можно найти документы о своих родственниках; Музей Победы на Поклонной горе сделал потрясающую экспозицию, которая понятна ребятам, волнует их и трогает. По-прежнему интересна и традиционная печатная форма. Вопрос ведь не в формате, а в том, с душой ли это делается. Если относиться формально, формализм и получим.

Что касается правды, то, знаете, мне довелось пообщаться с фронтовиками. Правда у каждого своя, да и вообще представления о любом историческом факте субъективны: документы пишутся людьми. Другое дело, как об этом рассказывать человеку взрослому.

Сейчас ведется много дискуссий о том, как преподавать историю. Причем обсуждается это не только в нашей стране: например, в Нидерландах семь лет решали, каким быть учебнику по отечественной истории. Готовя «Историко-культурный стандарт», мы изучали их опыт и пришли вот к чему: в учебную программу необходимо включать только неоспоримые факты, а сложные и спорные моменты надо выносить за рамки. Учитель в таких случаях говорит, что существует несколько взглядов на проблему. Если ребенку интересно, он подойдет и спросит, что можно почитать по теме. И здесь самый важный момент — мировоззренческая позиция педагога.

Потому что очернить или, наоборот, возвысить можно что угодно?

Конечно! Мы всё это уже пережили и не раз. Я историк и помню,

Фото: ТАСС / Сергей Фадеичев. Итоговое заседание президиума Российского исторического общества и совета фонда «История Отечества», 25 декабря 2018 г.

как, будучи аспирантами, мы по средам занимали очередь, чтобы прочитать новый номер «Огонька» Коротича. И зная многое о событиях тех лет, сейчас я глубоко убеждена, что урон от открытия так называемых белых пятен, который нанес «Огонек» Коротича, мы будем ощущать еще долгие годы. Очень легко вымазать все черным цветом, не объясняя ни целей, ни задач, просто сообщив неподготовленному человеку, что от него долгое время скрывали правду.

Догадываетесь, чем особенно занимательна история? Историки знают, что многое повторяется. В 1917 году большевики, придя к власти, хотели прервать связь времен и очернить все, что происходило в царской и имперской России. Сейчас трудно это представить, но историческая школа академика Покровского отовсюду убрала слово «отечественный». Не было ни Отечественной войны 1812 года, ни героев этой войны: Кутузова, Раевского, Багратиона, которых называли грозами 1812 года. Не стало истории как предмета: в Москве и Ленинграде были закрыты исторические факультеты. То, что принято называть государственным патриотизмом, началось только в 1931 году, когда к руководству страны пришло осознание, что впереди страшная война и что без опоры на историческую преемственность и отношение к Отечеству страна развиваться не может.

То же самое происходило в 1991 году, когда Фонд Сороса вместе с тогдашним Министерством просвещения переписывал учебники истории и тратил миллионы долларов на то, чтобы перезагрузить наше с вами сознание. Все это есть в открытых документах: ставилась задача исключить любую преемственность с советским периодом,

➤ Нужно мировоззрение — основа, без которой не может жить ни один человек.

причем так, чтобы в сознании не осталось ничего, кроме стыда и унижения. А для этого требовалось в кратчайшие сроки переписать историю и литературу, то есть все, что формирует человека и поддерживает связь времен. Надо признать, что им кое-что удалось. К счастью, сейчас мы начали осознать, что и почему происходило в тот период.

После оглашения президентского послания Федеральному собранию в фокусе общественного внимания в очередной раз оказались школьные учебники по истории. Насколько оправданно, на Ваш взгляд, столь пристальное внимание к учебным пособиям? Может быть, пора заметить крен в обществе в целом?

Учебники всегда будут в фокусе внимания, потому что по ним учатся миллионы школьников. В данном случае речь шла об учебнике всеобщей истории, где событиям на Восточном фронте в период Сталинградской битвы было отведено всего три абзаца. Но вы правильно заметили: крен в нашем обществе, к сожалению, действительно имеется. Размываются нравственные ориентиры, понятия добра и зла.

Помните, как Гоголь описывает Чичикова? Не красавец, но и не дурной наружности, не толст и не тонок, не стар и не слишком молод. Сейчас такая же картина получается, причем во всем мире, не только у нас: люди не добрые и не злые, не хорошие и не плохие, дети вроде развитые, но не читают,

➤ У России свой путь. Его особенности никто не может четко сформулировать, но о его существовании все говорят.

вроде технологически грамотные, но совсем не могут писать. Технологический прогресс, о котором мы все столько говорим, приносит не только позитив, но и негатив, и в первую очередь это разрушение ценностей. Это вызов современности, на который надо отвечать, причем как можно жестче: все, что не имеет контуров, впоследствии приносит тяжелые плоды.

И как же Вы предлагаете противостоять разрушительному влиянию прогресса?

Мне кажется, задача семьи, школы, общества — вернуть мировоззренческую основу. Мировоззрение — это совокупность идей. Мы должны четко понимать, кого и для чего готовим, какими гражданами страны должны стать сегодняшние дети. Обществу нужна школа, которая отвечала бы его задачам на современном этапе развития. У нас пока здесь небольшая нестыковочка.

Иначе говоря, нужна государственная идеология?

Повторю: нужно мировоззрение — основа, без которой не может жить ни один человек. Как жить без опоры на ценности, на которых вы выросли и воспитывались? Другое дело — наши они или привнесенные извне.

Здесь стоит снова вернуться к роли учителя?

Совершенно верно. За «что такое хорошо и что такое плохо» всегда отвечают взрослые, которые привносят эти представления. Учитель, родители — до определенного момента в жизни это проводники.

Я глубоко убеждена, что, несмотря на все футуристические разговоры, роль учителя со временем будет только возрастать. Нельзя сформироваться, читая Википедию: без учителя человек на первых порах не найдет то, что нужно. Кроме того, важно хотеть и уметь учиться, получать знания, познавать мир вокруг себя. Пока тебя не научили, без помощи ты не справишься, с этим надо смириться. Поэтому индивидуальная траектория в образовании — такая же фантастически правильная идея, как построение коммунизма. Красивая, но неосуществимая в силу ряда причин.

Как ученый Вы занимаетесь историей Церкви XX века. Вам не кажется, что изучению ее роли в истории нашей страны уделяется недостаточно внимания? Как ни крути, Церковь пронизывает всю нашу жизнь: храмы были и остаются архитектурными доминантами рус-

ских городов, колокольные звоны и древнерусские распевы явно слышатся в блистательной музыке русских композиторов, а цитатами из Библии наполнена речь даже самых убежденных атеистов.

Напротив, этой теме сейчас уделяется внимание даже в школьных учебниках, хотя раньше вообще не было такого понятия. Написано и издано немало очень сильных работ. Наверное, это не совсем правильное чувство, но я горжусь, что моя кандидатская работа по этой тематике была первой в стране. До меня была только книга Валерия Аркадьевича Алексева («Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. — Прим. ред.). Сейчас в Институте российской истории остался центр, созданный Ярославом Николаевичем Щаповым, который я длительное время возглавляла; есть десятки кафедр, занимающихся историей Церкви. Так что это интересное и всеобъемлющее направление в истории, и оно активно развивается.

Может быть, Церковь в XXI веке сможет взять на себя роль мягкой силы, объединяющей, облагораживающей и духовно обогащающей общество?

Напомню: я историк. Все, что происходит сегодня или происходило в прошедшие 10–15 лет, является предметом изучения политологии, а политологией я как ученый не занимаюсь. Пройдет время, исследователи напишут новые работы... Если вести речь о сакральном значении Церкви, то ее, конечно, никакая сила не одолеет. Но мы, историки, говорим совсем о других вещах. Мы изучаем Церковь как институт. И в этой ипостаси она отражает все процессы, происходящие в обществе, в котором мы живем.

Вы упоминали, что, как только появится время, подготовите к изданию книгу о митрополите Никодиме (Ротове). Это научная работа?

Попыток было несколько, но они заканчивались, как правило, появлением совсем других работ. Допустим, собиралась писать о митрополите, о владыке, а получилась книга о Втором Ватиканском соборе (Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский собор: М.: Лепта-пресс, 2004. — Прим. ред.). Очень много материала; уже написано несколько статей, и, возможно, будут другие. Это, безусловно, научные работы, хотя меня иногда упрекают за «журналистский» язык. Несмотря на то что я вышла из академической среды и написала две диссертации, я все же предпочитаю писать для людей, то есть с использованием научного аппарата, но понятным языком.

Надеюсь, я все-таки смогу эту работу завершить, потому что для меня этот человек интересен как личность — важная, неординарная, значимая для

истории Церкви и государства второй половины XX века.

Значит, Вы признаете роль личности в истории?

А как можно ее не признавать? Я столько раз удивлялась еще в аспирантской молодости, как человеку, занимающему даже не самые высокие руководящие посты, удавалось многое изменить. Конечно, не повернуть вспять ход истории, но повлиять на события, которые без этого влияния могли бы развиваться совершенно иначе. И потом, вы знаете, в истории России это особенно хорошо прослеживается.

Фото: ТАСС / Владимир Гердо. Церемония вручения премий Всероссийского конкурса «Учитель года России — 2019», Москва, 4 октября 2019 г.

Фото: ТАСС / Михаил Метцель

Потому что у России свой путь?

Верно, у России свой путь. Его особенности никто не может четко сформулировать, но о его существовании все говорят. Помните Тютчева? «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать...» Думаю, все так и есть.

Знаете, что стало самым ценным для меня в период работы в Министерстве просвещения? Мне довелось много поехать по стране, встречаться с людьми. Я смогла прикоснуться к тому, чем страна живет и дышит. Известно, что Россия — это не Москва, у нас огромная страна и каждый регион удивителен по-своему. Я видела очень много школ и вузов, общалась со многими людьми. Да, у нас множество проблем, но я убедилась в том, насколько в России мощные люди. Это меня невероятно впечатлило и наполнило, не побоюсь пафосной формулировки, чувством гордости за то, что я родилась и живу в нашей стране.

Возвращаемся к началу разговора: на Ваш взгляд, система образования должна не только готовить квалифицированных специалистов для экономики, но и растить тех самых удивительных и мощных людей?

Именно так. Сейчас в нашем образовании сделан очень резкий крен в сторону технологий и новаторства. Я согласна, это крайне важные направления. Но нельзя забывать, что гражданина и человека, ответственного за Отечество, формирует гуманитарная сфера: история, философия, литература, словесность. Я считаю, что этот пласт гуманитарного знания, который в силу разных причин остался без внимания, должен быть поднят Российской академией образования, он должен развиваться. На это есть все основания. **■**

ПЭС 21061 / 26.07.2021